

С НАШИМ ТЕАТРОМ

★
Н. П. ОХЛОПКОВ,

народный артист СССР, главный режиссер Московского театра имени В. Маяковского.

★

жизни. Живые столкновения мнений помогают рождению истины.

Прошло немало лет с тех пор, как я был впервые в Риге, однако воспоминание о встрече со зрителями, взыскательными и чуткими, живо до сих пор. Вначале рижанам показывались «Аристократы» — первые ласточки современной темы. Затем театр имени Маяковского показал «Молодую гвардию», «Гостиницу «Асторию», «Гамлета», «Грозу» и ряд других принципиальных программных работ. Теперь же мы привезли пьесы сложившегося десятилетия нашего советского репертуара и много новых спектаклей.

Рождение и рост советской драмы происходит в живом содружестве писателей с театрами. Это хорошо и для театра и для драматурга. В нашем театре навсегда и прочно утвердились современная советская пьеса. С творчеством советских драматургов, опытных и молодых, наш театр делит свои успехи и неудачи.

Поиски идут и в работе над классической драматургией, где раскрывается глубокий источник больших идей и мыслей, художественное совершенство и умение глубочайшим образом постигать человеческую душу.

В творческих процессах театр ищет решение самых основных идеинных проблем, волнующих искусство (как, например, создание образа нашего современника), определение своих художественных позиций на творческой многообразной карте сегодняшнего театрального искусства, проблемы синтеза искусств, рождения новых жанров и видов и т. д.

Сейчас в театральном искусстве заметно очень большое оживление, активизация творческих исканий, определение своих позиций, словом, пробуждение творческой мысли, которое богато замечательными результатами — интересными, яркими спектаклями во многих театрах, появлением новых и новых имен драматургов, режиссеров, актеров.

Идут споры и дискуссии. Пусть идут! Они не мешают творчеству, когда они ведутся с объективных по-

здесь старый театр? Разве мы ему отдали на откуп самое драгоценное качество искусства — пробуждать в зрителе такую великую силу, как эстетические переживания? Разве теперь художнику не свято пушкинское «над вымыслом слезами оболюсь»?

Да без всего этого — грех цена всем новациям. Наше время требует, чтобы художник вмешался в жизнь человека, тронул его душу, а не занимался бы холодными и бесстрастными комментариями «по поводу»...

Тут поднялся другой слушатель:

— Эдак вы выбросите из искусства все логическое, все рациональное и возводите романтический стиль. Не забывайте, что современный человек сдержан, немногословен, его жесты лаконичны, он не подвержен взрывам эмоций. Как вы думаете, Николай Павлович, — обратился он ко мне, — разве сдержанность не самая главная черта современного человека?

— Я мечтаю о театре больших и глубоких потрясений. Меня огорчает модная подделка «под неореализм», монотонное брюзжанье, которое выдают за правдивую речь, отсутствие выразительности, которое называют сдержанностью, и неряшливоность рисунка, в котором видят подобие жизни.

Жизнь настоящей человеческой души — это горение, это чистый, страстный огонь. И я хочу отразить сущность такой души в своем творчестве! Я хочу накала страсти, доходящих до предельной точки. Чтобы во время спектакля театр гудел, дрожал от тока страсти, или чтобы была предельная тишина. Чтобы прохожий, остановившись, спрашивал: «Что там — футбольный матч?» «Нет, — отвечал я, — это спектакль».

В наш век — век поразительной динамики, век острых переживаний, век событий, глубоко западающих в души, внутренние волны достигают своего апогея, и только умение «взять себя в руки» может показаться со стороны равносильным равнодушно и невозмутимости. Но это обман. Только натуры бесцветные, бесстрастные, равнодушные могут пройти мимо острых, впечатляющих явлений жизни и спрятаться от жизненных штурмов и шквалов.

Я не вижу кругом себя людей, «застегнутых на все пуговицы» и безучи-

И в наше время, в современном театре встречаются разные стили при одинаковой глубине конечных целей. Скажем — строгий, четкий, с глубиной чувствования один режиссер и бурный, не сдерживающий своих эмоций — другой. Между ними возможен спор, но один не исключает другого, ибо искусство каждого из них глубоко человечено.

Важно ведь самое главное — сделать так, чтобы положительные образы пьес и спектаклей были бы «выражением-символом внутренней жизни народа» (Белинский), а жизнь нашего народа в беспрестанном кипении, полна небывалого энтузиазма, вдохновения, страстного штурма неба и земли.

В искусстве не может быть экономии сил ради экономии. Но необходимо в нем другое: экономия средств, отбор. И тут мы вспоминаем снова Маяковского. Он говорил о силе намека, о том, что не надо все разжевывать, все превращать в кашу и подносить зрителю. Нет, надо зрителя вовлекать в процесс творчества.

Когда Чайковский дошел до сцены посещения Германом графини, он не мог сдержать слез. Вот какой огромный, неудержимый напор чувств и ассоциаций испытывает художник. Недаром их произведения волнуют нас спустя столетия, а то и больше, после их создания. Почему же нам не последовать по этому благородному пути? Почему надо бояться чувства?

Так, рассчитывая на талантливость зрителя-составителя, мы поставили «Аристократы». И в «Иркутской истории» мы не заслоняем могущественные подмостки сцены всяческими стенаами в обоях, зашвездочками или всаделишней листвой, развесанной на тюле. Актеры играют на «дороге цветов», унаследованной нами от восточного театра, на пустой, ярко освещенной площадке, рядом с ними расположился хор, замечательно введенный драматургом в действие. Но я вижу, как глубоко и искренне перевоплощение молодых актеров, до каких высоких ритмов трагедии поднимается их внутреннее волнение, и бываю счастлив.

В каких высоких, острых, трагедийных ритмах описан в поэме «Облако в штанах» эпизод — ожидание неизвестной женщины, Марии. Для поэта здесь весь мир измеряется этим нестерпимым ожиданием. Сыграйте это сдержанно, во фраке, в белых перчатках — что останется от мысли, от позиции? Еще не каждый актер «поднимет» эти строки! А Маяковский был совершенен, ходил на соб-

рания, состоял в Союзе писателей, но стоило ему «почувствовать свою звонкую силу поэта» — и фантазия его рвалась наружу в образах мощных, страстных, неистовых. Он был поэт-трибин, поэт-фантазер, новатор. И мы хотим быть верны духу его творчества.

Составная часть в искусстве — это узоры взгляда. Я закончил наш спор так, обращаясь к молодым режиссерам:

— Вы — проводники культуры. Говорите же, как факелы. Помните, что вы достигнете результата в искусстве — как сформулировал Чернышевский — только действуя на воображение зрителя, только возбуждая в нем благородные понятия и чувства. Избирайте сами те художественные средства, которые помогут вам в этом. Пусть вы не согласны со мной. Мы будем спорить и доказывать свою правоту своим творчеством. Но в самом деле мы все солидарны. У нас нет идейных разногласий, нет разных пониманий большой цели нашего советского искусства.

...Итак, мы покажем ряд работ новых и показанных в прошлый приезд — «Гамлет» и непоказанную еще «Иркутскую историю» Арбузова, «Аристократы» Погодина и наш новый спектакль «Проводы белых ночей» В. Пановой, «Побег из ночи» бр. Тур и «Современные ребята» М. Шатрова, «Весенние скрипки» и «Океан» А. Штейна, «Маленькую студентку» Н. Погодина и «Медею» Еврипода.

Желаем от души дорогим рижанам успехов в работе и личного благополучия. Мы готовы на встречи, беседы и рассчитываем еще больше укрепить нашу дружбу.

Зам. редактора П. Г. БЕЛОВ.